

РЕТРОРЕВЕРС

ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Мы продолжаем беседу, начатую А.Боковым и Е.Ассом и посвященную обсуждению разворачивающегося поворота к историзму затронувшему, в общем, всю российскую архитектуру но снискавшему всемилоливейшую поддержку в первопрестольной. На этот раз в редакции директор архитектурного бюро «Остоженка» Александр Скокан и руководитель одной из мастерских «Курортект» Михаил Хазанов

А.Скокан. Задачи, которые приходится решать архитектору, диктует время. Социальный заказ обуславливает номенклатуру объектов. Однако вопрос одежды находится в компетенции профессионалов. Архитектурный язык определяем мы. Наверное, он может быть различным, в том числе апеллирующим к историческим формам. И все же, мне кажется, вряд ли такие ссылки созвучны современной эпохе с ее масштабами, ритмом жизни, технологиями. Можно заметить: язык, на котором мы изъясняемся, кардинально отличается от языка, скажем, XIX в. Если мой современник об-

ратится ко мне: «Милостивый государь, не изволите ли...» я в это не поверю. Это фальшь. Или, допустим, надеть на себя камзол, плюмажи и т.п. Это не менее странно...

М.Хазанов. ...но по бутафорски эффектно, ярко и «богато» для уставшего от бесцветности населения.

А.С. Есть и другое противопоставление. Современному архитектору, чтобы грамотно нарисовать карниз, нужно обложиться увражами. И все равно это будет не то, как если бы мы жили в той профессиональной культуре, где это являлось повседневной нормой. Сегодня в лучшем случае удастся исполнить более и не менее грамотную копию. Мы не сможем это делать непроизвольно, играючи, как это происходило во времена Жолтовского или Щусева. Они, что называется, владе и предметом могли себе позволить искажения, нововведения с оговоркой, вольную трактовку классических образцов.

М.Х. Игра в ретруху дело добровольное. Да здравствует свобода самовыражения, если только ремесло на уровне не ниже ватерлинии...

А.С. Нынешний поворот, бесспорно, обусловлен не только процессами, происходящими внутри профессии. Зайдите в мебельный магазин — вы не сможете купить просто диван. Вам обязательно предложат нечто крайне вычурное — а la Людовик или что-то в этом роде. Мне кажется, наша архитектура начинает напоминать мебельные салоны. Невозможно увидеть простой фасад — это непременно стилизация под что-либо.

М.Х. Сегодня публика требует компенсации и сатисфакции за время, проведенное в безжизненной, дисконформной, неустроенной среде, за стертые исторические лица своих городов. Насаждаемый неопрагматичен, жестко конъюнктурен, спекулятивен, в равной степени соответствуя вкусам нынешних градоначальников и новых обывателей. Якобы искреннее покаяние цеха, много чего порушившего, — красивый миф, скрывающий хроническую неспособность к свободному от компиляций формотворчеству.

А.С. Даже если публика хочет радости, тепла, уюта, возможно, к этому не стоит относиться сугубо серьезно. За-

Учебный центр управления пожарной охраны в Барашевском пер. в Москве.
Архит. бюро «Остоженка»
Архит. А.Скокан, Р.Байшев, В.Каняшин.
Общий вид. План 1 этажа.

Educational centre of the fire-guard board in Barashevsky lane in Moscow.
Architectural bureau «Otozhenka».
Architects A.Skokan, R.Baishev, V.Kanyashin.
General view. Plan of the ground floor.

казчика, с которым мы сегодня имеем дело, можно сравнить с ребенком. Это не заказ, это – каприз. Сегодня он хочет стать машинистом. Ему нужно купить железную дорогу, завтра – летчиком, покупай – модель самолета. Разумные родители не следуют этим прихотям. У нынешнего заказчика – семь пятниц на неделе в зависимости от увиденного за соседним углом или за границей.

Архитектор как человек потенциально более искушенный не то чтобы должен противостоять этому нажиму – он должен предлагать нечто более уравновешенное, проверенное, надежное. То есть позиция архитектора должна быть более устойчивой, более крепкой. А к сожалению, зачастую и архитекторы, и заказчики оказываются в равной мере неподготовленными. В итоге – диалог глухого с немым. Результаты – удручающие.

М.Х. Тревожные симптомы становления официального государственного стиля – тенденции наших дней, обещающей в скором времени отказ от поисков, уход от рискованных решений и творческих экспериментов.

*Международный Московский банк на Кропоткинской набережной.
Архит. бюро «Отоженка» – «Юхани Палласмаа архитектс».
Общий вид. Интерьеры. План типового этажа.*

*International Moscow bank in Kropotkinskaya embankment.
Architectural bureau «Otozhenka» - «Juhani Pallasmaa architects».
General view. Interiors. Standard floor plan.*

А.С. Существуют чисто профессиональные проблемы, не зависящие от языка. Как решен вход. Как напротив входа поставлена лестница. Можно ли говорить о пространственной логике. Как колонна стоит на паркете. Если это будет сделано безукоризненно – я сниму шляпу перед профессиональным мастерством архитектора. Мои претензии к «новой русской» архитектуре не ограничиваются правильно или неправильно выбранным языком. Ведь можно артистично работать в любом стиле. На спор, на пари.

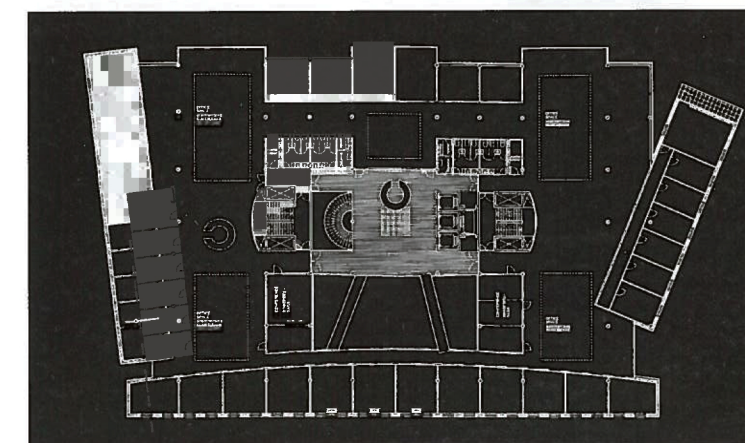
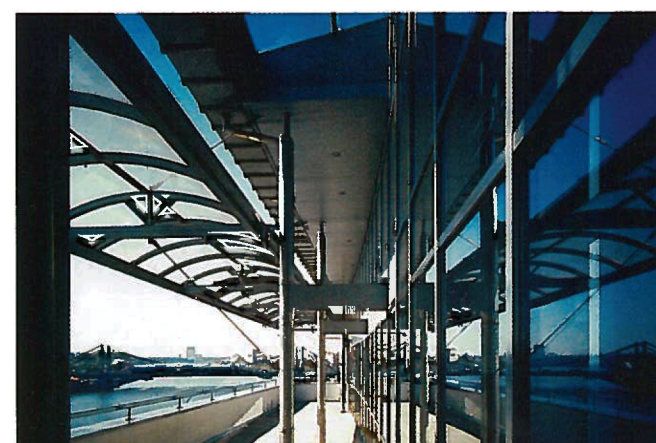
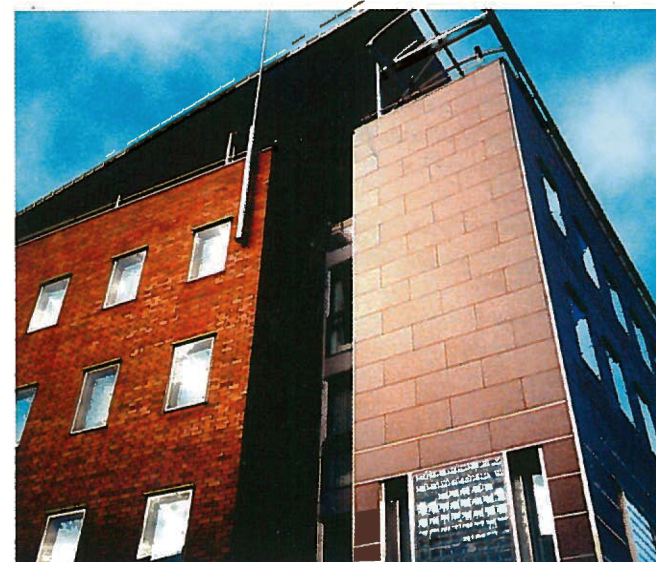
У нас пропало чутье, нормальный взгляд на архитектуру. Архитекторы толком не знают, как подступиться к решению профессиональных проблем. Критики (если таковые имеются) не в состоянии разобрать архитектурное произведение с точки зрения его профессиональной грамотности.

М.Х. Изустно передаются ностальгические легенды о палке с тяжелым латунным набалдашником, которым И.В.Жолтовский якобы разбивал не понравившиеся ему готовые коринфские капители. Вот было время – сколько переживаний из-за неверно исполненных акантовых листочков. Сегодня, пожалуй, очень немногие вообще эту капитель по памяти нарисуют – налицо общий упадок архитектурного ремесла.

На этом фоне провинциальными, фарсово-смешными выглядят эпизодически возникающие рассуждения о «московском стиле». Иницируемые сверху арочки-башенки, нарисованные, как правило, «дурной рукой», растиражированные на компьютере, сегодня, по-моему, должны быть уже отвратительны архитекторам – точно так же, как вчера были невыносимы гришинские обкомовско-райкомовские пилонады. Забавно, что все это вновь происходит с подачи тех же «наших», которые десятилетие назад боролись с постмодернизмом, послушно рвали глотки на советах и устраивали судилища в МАрХИ, доказывая, что номенклатурная архитектура, облицованная белым камнем, с алюминием «под бронзу» – самая что ни на есть «московская».

Сегодня при демократических декларациях власть снова берется обучать архитекторов архитектуре. При этом мы терпеливо молчим, опасаясь за свои объекты и объекты своих друзей. В общем, авторитарный механизм управления творческим цехом не изменился с архаичных времен социализма.

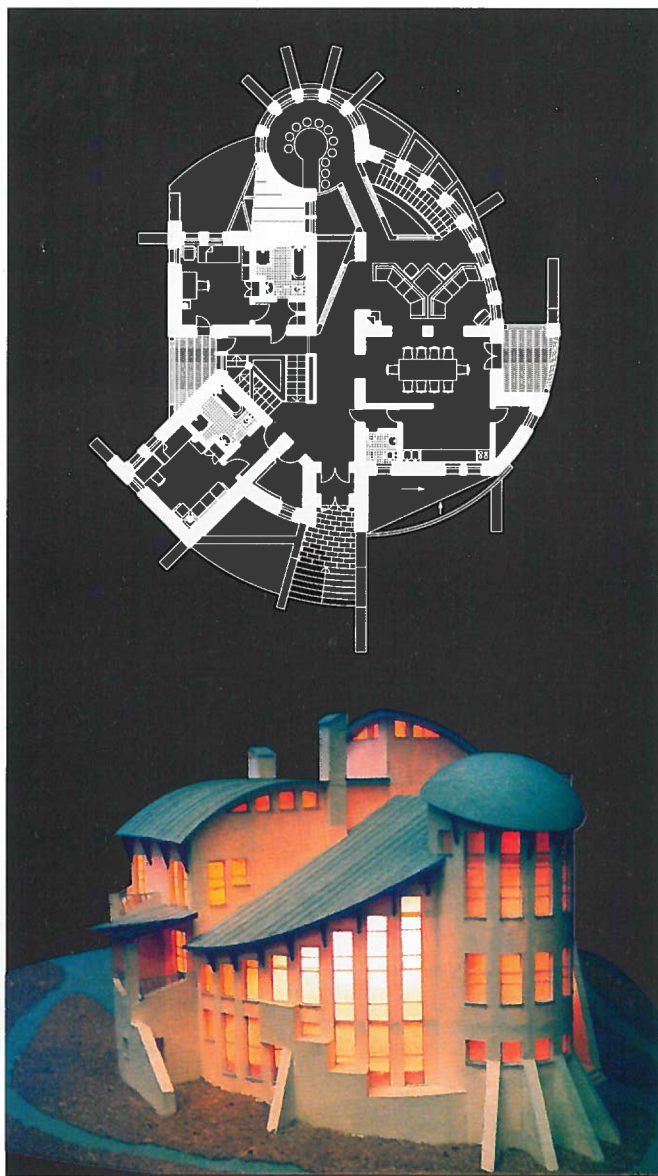
Художники разогнали свои «худсоветы». Композиторы, писатели, журналисты давно оставили свои профессиональные резервации. Телевизионщики – и те скандалят, когда им

«мягко рекомендуют». Мы же послушно идем иногда к глубокоуважаемым, иногда к вовсе неуважаемым людям и несем им свои картинки, макеты, чертежи, чтобы получить разрешение на творчество – наряду с предписаниями, в каком стилевом русле нам развиваться.

А.С. В этом механизме есть еще один изъян, а именно – распространенность того, что немцы называют «серой зоной», существующей во всех наших согласующих и прочих инстанциях.

М.Х. Ни в одной так называемой цивилизованной стране не существует ситуации, когда право выбора архитектуры и

Проект виллы «Шибболет» в Подмосковье.
Архит. А.Лагутин, М.Хазанов.
Фото с макета. План 1 этажа.
Design for «Shibboleth» villa in Moscow region.
Architects A.Lagutin, M.Khazanov.
Model. Plan of the ground floor.

Жилой дом в ближнем Подмосковье.
Архит. В.Трейвас, М.Хазанов. Констр. Б.Вайнерман.
Общий вид.
Dwelling house near Moscow.
Architects V.Treivas, M.Khazanov. Engineer B.Vainerman.
General view.

Рекреационный комплекс на Дольской улице в Царицыно.
Архит. В.Мисожников, М.Тачкова, М.Хазанов.
Общий вид. Главный вход.
Recreational complex in Dolskaya St. in Tzaritzino.
Architects V.Misozhnikov, M.Tachkova, M.Khazanov.
General view. Main entrance.

архитекторов в огромном городе делегировано какому-либо узкому кругу лиц, условно говоря, серой массе – серой не из-за всеобщей бесцветности, а в силу того, что цвет каждого автоматически гасится цветом другого. Недостойно и неэтично само положение дел, когда один архитектор указывает другому, каким образом тот должен заниматься своим искусством, если, конечно, архитектура к искусству вообще имеет отношение.

Возникает справедливое подозрение, что вкусовые разборки – удачно выбранная форма маскировки для прикрытия разборок чисто экономических: дележа сфер влияния, стремления к монополии и прочего, связанного со скучными проблемами московской недвижимости.

А.С. Проблем такого порядка было бы меньше, если бы у нас, как в той же Германии, существовала большая прописанность проекта на уровне задания – то, что можно назвать градостроительным паспортом или градостроительным регламентом. Мы пытались это сделать на Остоженке.

М.Х. То есть архитектор сразу получает всю систему пространственных ограничений. Участок куплен в таких-то границах, строительство возможно в определенных габаритах, заданы углы подъема к горизонту, визуальные разрывы, коридоры и т.п. В таком случае никуда ходить не придется – ни в совет, ни в экспертизы. Разве что по каким-то спорным моментам, когда надо отстоять изменение предписанных градостроительным заданием параметров. Однако свобода выбора стиливых характеристик, естественное право архитектора – остается за автором. Все эти умные разговоры типа «гармонизирует»-«диссонансирует», «московское»-«не московское» умирают вмиг.

А.С. Для хорошего архитектора ограничения – благо. Помню чисто профессиональной стороны вопроса есть еще политическая: нередко архитектор – единственный, кто противостоит бешеному напору со стороны заказчика, который хочет выжать из своего клочка все, что можно, точнее – нельзя. Если он сможет предъявить клиенту соответствующие предписания, не позволяющие делать на этом месте выше, больше, шире, ему будет легче работать. Это своего рода форма профессиональной защиты. А сейчас постоянно

сталкиваешься с формулировками типа: «Этажность определить проектом. Вместимость определить проектом». Возможности убедительно противостоять заказчику резко снижаются.

Недавно мы занимались проектом реконструкции со сносом одного из домов. Убедили заказчика, что в данном месте нельзя построить выше двух-трех этажей. Когда вышли на Комиссию по сносу, нам сказали: «Сломать дом – нет проблем. А зачем вам строить три этажа, а не пять или, скажем, шесть?» Мы оказались в идиотском положении.

М.Х. Это пример неотработанности роли каждого института. Охранник обязан намертво охранять, стоять насмерть на пути разрушения едва ли не любого забора, если возле него кто-либо когда-либо сидел. Лесник должен не давать срубить ни одного дерева. При этом неизбежность конфликтов с организациями – каждая со своей жесткой позицией – требует коллегальности в увязке зачастую противоположных интересов.

Вроде бы странно требовать себе на шею ограничений. Однако сегодня регламентация подменена вполне субъективным диктатом, что устраивает тех, кто стремится к неправовому решению вопросов.

Совет перестал быть фильтром, заслоном на пути тех же ширококомасштабных городских проектов, которые еще несколько лет назад были бы немыслимы без обсуждения в прессе, профессиональной среде.

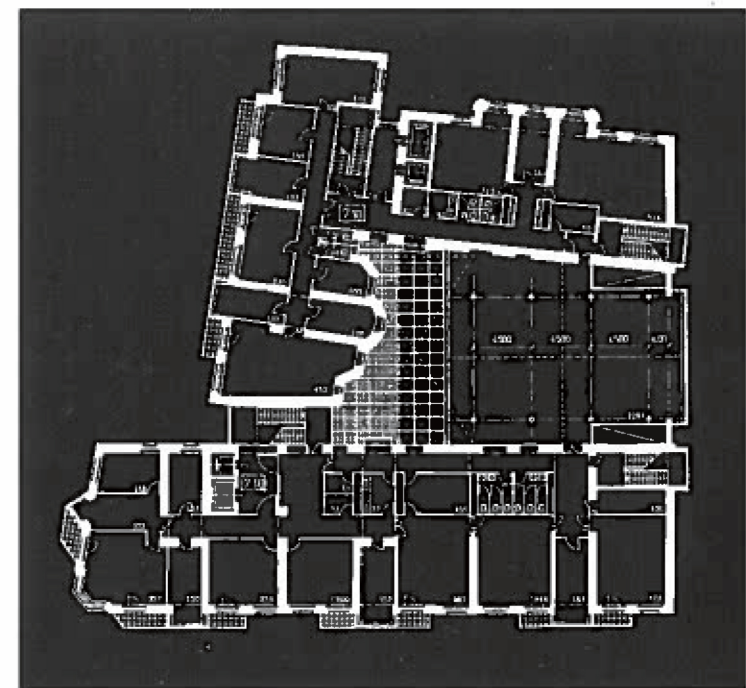
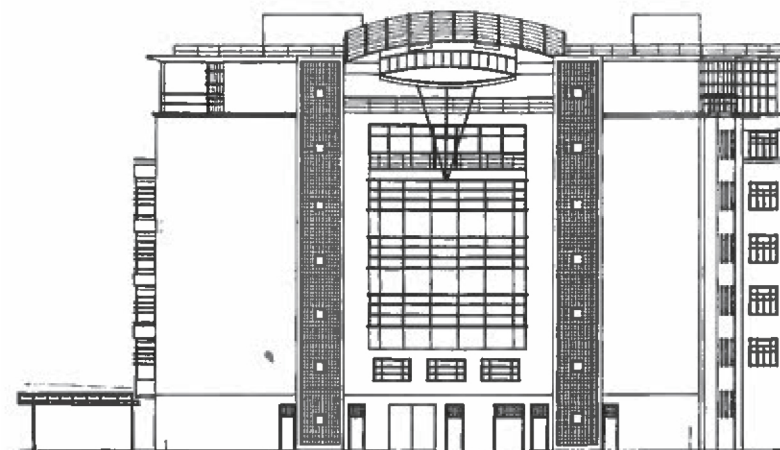
А.С. Выросли объемы строительства. Разнообразилась палитра объектов. Соответственно функции Совета должны возрасти. Другое дело – что должно входить в его компетенцию.

В этой ситуации, расплывчатой и зыбкой, многое зависит от индивидуальной позиции самого архитектора. От того, насколько он принципиален, способен вступить в диалог с заказчиком.

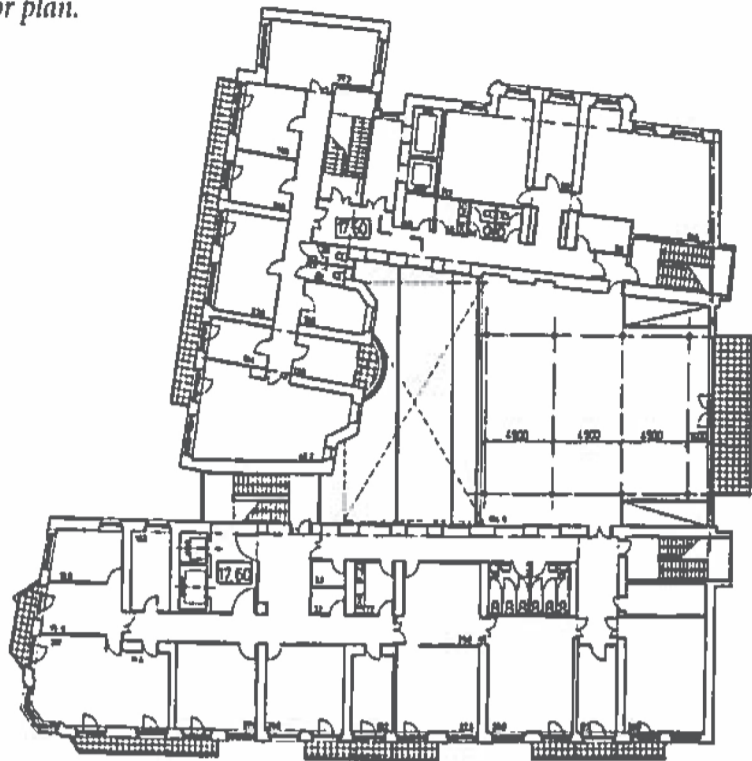
М.Х. Сегодня зависимость от заказчика ощущается даже самыми свободными из нас. Любый архитектор несет на себе часть экономической ответственности за жизнь других архитекторов и в большей степени склонен к гибкости, чем в годы советской власти. Нынешний заказчик всегда требо-

Проект коммерческо-делового центра в Соимоновском проезде (в процессе строительства). Архит. бюро «Остоженка». Архит. А.Скокан, Д.Гусев, Н.Токарев. Фасад. План 3 этажа.

Design for the commercial and business centre in Soimonovskiy passage (now under construction). Architectural bureau «Otozhenka». Architects A.Skokan, D.Gusev, N.Tokarev. Facade. Second floor plan.

План 6 этажа.
Fifth floor plan.

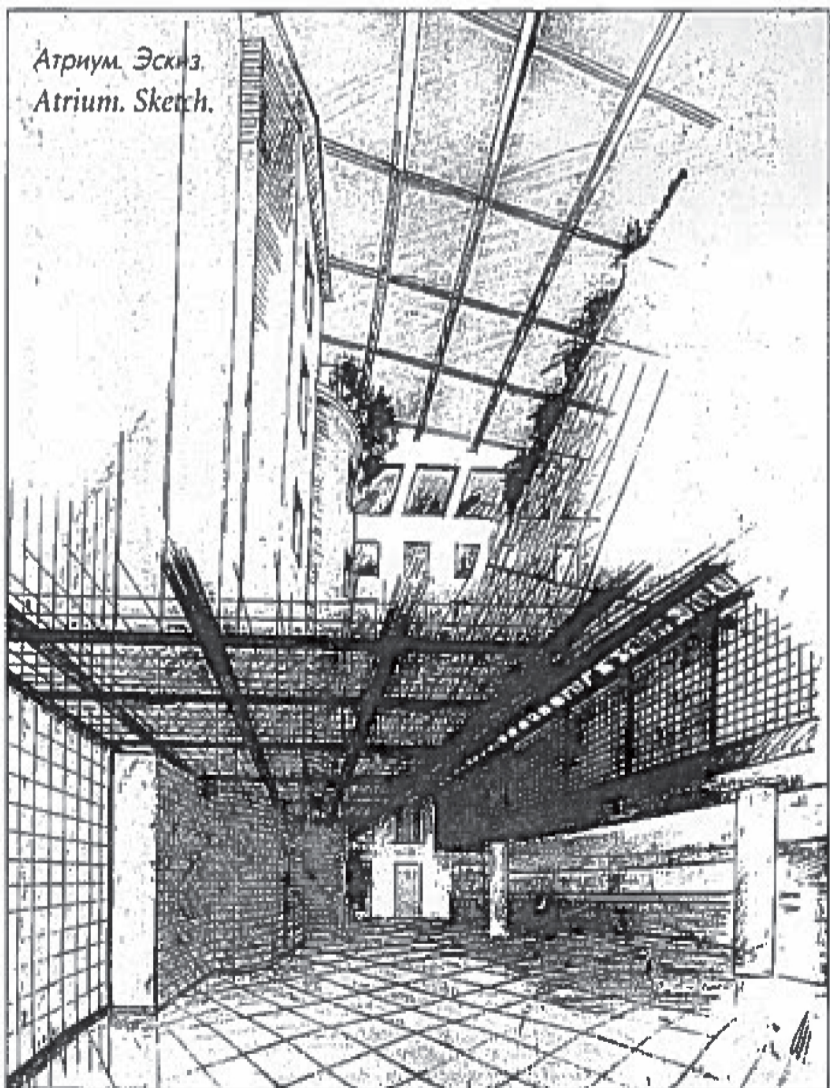
Проект коммерческо-делового центра в Соимоновском проезде.
Архит. бюро «Остоженка». Архит. А.Скокан, Д.Гусев, Н.Токарев.
Фасад по Соимоновскому проезду.
Design for the commercial and business centre in Soimonovsky passage.
Architectural bureau «Otozhenka». Architects A.Skokan, D.Gusev,
N.Tokarev. Elevation looking the Soymonovsky passage.

Разрез.
Section.

Атриум. Эскиз.
Atrium. Sketch.

вателен, часто ревнив, порой скуп, а нередко даже опасен. И если какая-то архитектурная команда оказывается без куска хлеба, невозможно ставить людям в вину их покладистость. Хотя очень больно, когда какие-то странные и чужие вещи появляются в родных местах – на Чистых прудах, Сретенке, в переулках на Покровке. Я понимаю механизмы их появления, но понимать – не принимать...

А.С. За что мы любим старый город? За то, что при внешней его хаотичности, он структурирован, или – лучше сказать – закономерен. За каждой пространственной ситуацией стоит та или иная закономерность. И многое из того, что происходит сейчас и вызывает у нас раздражение, кажущееся случайным и необязательным, быть может, окажется закономерным, и когда-нибудь мы примем это. Трудно ведь не соглашаться с закономерностью.

М.Х. Москва должна быть лоскутной, рваной, мозаичной, как бы составленной из недореализованных фрагментов глобальных градостроительных концепций, где каждое время как-то себя проявляет: романтическое – романтично, хамское – хамски, смутное – смутно...

Дворец съездов или Белый дом – это яркие объекты-представители своей эпохи. Соответственно архитекторы, работавшие на эти образы, и есть зодчие 60-80-х. Сейчас создается официальная декорация 90-х гг. Возможно, в 2010 г. банк на Кропоткинской будут обходить – как выпадающий из своего времени: на нем нет ни рюшек, ни финтифлюшек, ни плохо нарисованных ионических колонн – не характерно...

А.С. Мне кажется, даже из тех же 60-70-х гг. отнюдь не все одинаково адаптируется историей. К примеру, лагутенковские 5-этажные дома я бы отнес к закономерным явлениям. Это был адекватный ответ архитекторов на социальные проблемы того времени. Они сформировали образ эпохи. А вот многочисленные здания обкомов-райкомов – это был не реальный социальный заказ, а конъюнктурная задача власти и соответственно ложный по сути и по своим архитектурным формам ответ. Плюс общий, уже вполне наметившийся к тому времени, упадок профессиональной культуры. В результате – стыдись этих сооружений сейчас, мы не полюбили их и в будущем.

М.Х. Идеологическое оправдание ретрореверса – недурственная концовка затянувшейся беседы...